

L.A. Golubeva

THE CORRELATION BETWEEN LOGICAL AND REAL RULE OF LAW STRUCTURE: TO THE MYTH OF POSITIVE SANCTIONS

Lada Golubeva – Associate Professor, the Department of State Law Disciplines, State Institute of Economics, Finance, Law and Technologies. PhD in Law, Associate Professor, Gatchina; **e-mail:** golubeva.gieft@yandex.ru.

The article describes problematic issues of the rule of law structure. The description of key structural elements of the rule of law is presented. The correlation between the elements of the logical and real structure of the rule of law has been analyzed. The position of renunciation from the existence of positive sanctions is argued and the issues that require revising the theory of law in response to such renunciation are predicted.

Keywords: law; rule of law; rule of law structure; logical rule of law; real rule of law; negative sanction of law; positive sanction rule of law.

Л.А. Голубева

СООТНОШЕНИЕ ЛОГИЧЕСКОЙ И РЕАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НОРМЫ ПРАВА: К МИФУ О ПОЗИТИВНЫХ САНКЦИЯХ

Лада Анатольевна Голубева – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат юридических наук, доцент, г. Гатчина; **e-mail:** golubeva.gieft@yandex.ru.

В статье изложена проблематика структуры нормы права. Представлена характеристика основных структурных элементов нормы права. Проведен анализ соотношения элементов логической и реальной структуры нормы права. Аргументирована позиция отказа от существования положительных санкций и спрогнозированы вопросы, требующие пересмотра в теории права в связи с таким отказом.

Ключевые слова: право; норма права; структура нормы права; логическая норма права; реальная норма права; санкция нормы права; негативная санкция нормы права; позитивная санкция нормы права.

Вопросы теории права имеют значение не только для непосредственно самих теоретиков: они отражают и фундаментальные основы отраслей права, выражаясь в реальном правопорядке через правоотношения, будучи непосредственно связаны с правилами реализации права. Норма права, как первичный «кирпичик» системы права, порождает те базовые принципы воздействия на регулирование правоотношений, которые значимы и обязательны для всех субъектов права.

Понятие права (и, соответственно, нормы права) в изложении разных авто-

ров отражает, прежде всего, приверженность автора к тому или иному типу правопонимания. Так, если для материалистической теории право – это инструмент проявления господства, имеющее производное положение по отношению к государству-эксплуататору, то, например, исторический подход пропагандирует обязанность следования не только букве, но и духу права и закона как отражению уникальной ментальности общества, в условиях которого сформировались конкретные правила поведения. Следовательно, для разграничения теории права и исто-

рии правовых учений необходимо обратить внимание на различие предназначения данных наук в рамках учебного процесса.

Теория права должна быть направлена не столько на представление разных точек зрения (это задача анализа правовых учений как таковых, в том числе – существующих на современном этапе), сколько на формулирование «скелета» тех терминов, которые имеют значение для правового регулирования, того базиса, который необходим отраслям права для обеспечения единого знаменателя в целях выполнения требования системности правового регулирования. Конечно, ни в одной науке нельзя обойтись без плюрализма точек зрения, а в социальной науке – тем более. Однако вариативность мнений иногда становится настолько самоцелью, чтоб нивелирует вообще значение результатов исследований.

Теория права может и должна анализировать существующие точки зрения, но нельзя останавливаться на полпути, лишь представляя результаты исследований, не соотнося их между собой, – а ведь принципы синергетики не должны отрицаться не только в реально существующем правопорядке, но и в разрабатываемых подходах как к направлениям правового регулирования, так и к теоретическому осмыслению сущности правовых явлений в целом.

Одна из центральных категорий теоретического осмысления – норма права, поскольку именно она обеспечивает взаимосвязь между общеобязательным нормативным содержанием права (т.е. его направленностью на достижение социального компромисса) и интересами конкретного субъекта в конкретном правоотношении. Идеальность правового регулирования в стремлении обеспечить интересы одновременно «всех и каждого» сталкивается с реальностью в виде как проблем технической несовершенности результатов правотворческой деятельности [1], так неравенством (в том числе, в вопросе объема правовых знаний) субъектов в процессе реализации права при воплощении правовых норм в поведении участников

правоотношения.

При анализе нормы права в учебном процессе основное внимание уделяется трем аспектам: понятию, структуре и классификации норм права. При этом проблемы чаще остаются без должного рассмотрения, а многие моменты лишь презюмируются без должной аргументации. Видимо, это связано со сложностью предыдущих тем в учебном процессе – прежде всего, когда вмешательство истории правовых учений в отношении понятия «право» занимает значительную часть времени и усилий. Однако именно вкладываемое содержание в термин «норма права» обеспечивает дальнейшую логику познания правовых явлений, независимо от подхода к правопониманию, и непосредственно имеет значение для практической деятельности.

Рассуждения о структуре нормы права логично начать с ее признаков, выделение которых позволит сформулировать должную (в учебном процессе!) дефиницию. Поскольку любое явление существует по законам синергетики и представляет собой одновременно как систему, так и элемент системы более высокого уровня, признаки нормы права должны коррелировать с признаками права как объективного явления. С точки зрения соблюдения логики рассуждений с таким подходом следует согласиться: частное обладает признаками общего; так, например, абсолютно любое явление будет обладать характеристикой системности, поскольку это объективное качество любого явления, а право также представляет собой объективное явление. Таким образом, если обязательными признаками объективного права определить нормативность, общеобязательность и формальную определенность [8, с. 46], то признаками нормы права являются второй и третий из них.

При этом под нормативностью можно понимать усредненность правового регулирования (возможность реализации установленного или санкционированного правила поведения любым и каждым субъектом правоотношения, т.е. отсутствие необходимости сверхусилий для, например, соблюдения правила поведения),

что логично обуславливает общеобязательность – распространенность данных правил на всех и каждого. И это, следовательно, требует формальной определенности – закреплённости в столь логичной формуле [2], которая и позволит всем, любому и каждому воплощать нормативное предписание в фактическом поведении, т.е. реализовать уже норму права. Выделение этих признаков позволит определить содержание нормы права как установленного или санкционированного обществом (поскольку без хотя бы пассивной легитимности нормативное предписание нормой права не станет) общеобязательного формально-определённого правила поведения, предназначенного для регулирования правоотношений.

В отношении дополнительного (именно дополнительного!) признака в виде обеспеченности государственным принуждением в случае нарушения в отношении и самой нормы права, и объективного права как такового, исследователи, за редким исключением [7, с. 306–308], чаще всего лишь указывают необходимость данного признака, отказываясь от аргументации такой необходимости. Однако при исследовании механизма реализации нормы права необходимо обратить внимание, что право современного государства на применение легального насилия – отнюдь не единственный и не всегда даже главный инструмент действия нормы. Так, например, в религиозно-традиционных правовых системах превалирующее значение имеет обеспеченность нормативного предписания не государственным принуждением, а принятием правила поведения ментальностью общества. При отсутствии такой традиционной легитимности нормой права положение правового акта в реальном поведении участников правопорядка останется лишь провозглашенным, но не реализованным предписанием.

Обеспеченность действия нормы права государственным принуждением, как следует согласиться с И.Л. Честновым [7, с. 436–440], является дополнительным признаком, а не обязательным. Т.е. возможность государства привлечь к юриди-

ческой ответственности как выражение карательного аспекта охранительной функции права [5, с. 181] – это не основной способ реализации нормы права, поскольку многие правила поведения воплощаются в поведении, в том числе и тех субъектов, которые а) не знают о существовании возможного наказания; б) не считают для себя возможным действовать иначе, кроме как правомерно, из уважения к праву; в) пользуются иными методами аргументации своего поведения (например, религиозными). В качестве наиболее яркого примера, конечно, можно использовать предусматриваемое уголовным законодательством наказание за убийство: если согласиться с тем, что принуждение за нарушение права на жизнь – это обязательный признак нормы права, значит, придется признать, что соблюдение данного правила – лишь правовой меркантилизм подавляющей части населения, что, конечно, абсурдно (во всяком случае, хочется верить, что большая часть общества не совершает убийства не только из страха перед наказанием).

Именно из данной проблемы комплекта признаков нормы права (по причине, собственно, такого же стандартного подхода и к системе признаков объективного права) вытекает и проблема познания структуры нормы права (а, следовательно, и ее реализации). В классической «версии» презюмируется так называемая логическая структура нормы права «гипотеза + диспозиция + санкция», что выражается формулой «Если ..., то ..., иначе ...». Гипотеза нормы права представляет собой характеристику обстоятельств, в которых диспозиция нормы формирует правовой статус субъектов регулируемого данной нормой правоотношения, а санкция определяет меры государственного принуждения, которые могут и должны быть применены к субъектам, нарушившим диспозицию в условиях существования гипотезы. Т.е. если субъекты попали в праворегулируемые обстоятельства, то они имеют право и должны в своем поведении реализовать нормативное предписание, иначе будут привлечены к юридической ответственности.

Исходя из такого подхода к структуре нормы права, санкция, по мнению многих исследователей, является обязательным элементом, т.к. норма не должна существовать, не будучи обеспеченной санкцией – именно такую структуру нормы называют идеальной [6, с. 321]. В результате можно сделать вывод, что и вопрос о необходимости высокого уровня легитимности права вообще снимается как таковой, а правовой меркантилизм провозглашается как единственно возможный путь к законности и правопорядку.

Для того, чтобы избежать такой проблемы при характеристике нормы права, существует иной вариант – реальная структура нормы права, которая включает в себя два элемента: гипотезу и диспозицию, что вполне поддерживается и техническими требованиями к формулированию нормативных предписаний, проявляющимися при анализе соотношения нормы права и статьи нормативного акта. При установлении же соотношения между логической и реальной структурой нормы права происходит опять возврат к проблеме признаков объективного права и нормы права: если правовое предписание воплощено в поведении субъектов правоотношения должным образом, то для обращения к санкции нормы права нет оснований. Если же поведение субъектов не должно, то санкция становится необходимой для применения.

Однако ведь в этом случае изменяется само содержание силлогизма: условием-то для применения санкции становится именно нарушение диспозиции, т.е. изменяется непосредственно условие действия нормы – следовательно, изменяется сама гипотеза [4, с. 701]. Таким образом, если поведение участников правовой действи-

тельности правомерное, то необходимости в санкции логической нормы не возникает. Потребность в санкции существует только тогда, когда поведение неправомерное – и необходимо использовать меры юридической ответственности для реализации охранительной функции права (через правосстановительный или карательный аспект) в целях обеспечения правопорядка и защиты интересов конкретных лиц.

В результате анализа нормативного содержания (можно пойти по пути наименьшего сопротивления и использовать вышеупомянутый пример с правом на жизнь) представляется возможным предложить следующую схему соотношения логической и реальной структуры нормы права в случае совершения правонарушения (см. таблицу).

Таким образом, в случае нарушения нормативного предписания гипотезой реальной нормы будет служить инверсия диспозиции логической нормы, а диспозицией реальной нормы выступит санкция логической нормы. При отсутствии же правонарушения потребности в санкции логической нормы вообще не возникнет, следовательно, в условиях нормального правопорядка гипотеза и диспозиция реальной нормы просто повторяют гипотезу и диспозицию логической.

В результате при такой постановке вопроса возникает необходимость обращения к вопросу о видах элементов структуры нормы права, а именно – исследование проблематики существования положительных санкций. При классификации санкций нередко присутствует точка зрения, что в зависимости от правовых последствий можно выделить позитивные и негативные санкции нормы права [3, с.

**Соотношение логической и реальной структур нормы права
в случае совершения правонарушения**

Логическая структура	Реальная структура
Гипотеза: <i>Если физическое лицо находится на территории РФ,</i>	–
Диспозиция: <i>то оно не должно нарушать право другого физического лица на жизнь,</i>	Гипотеза: <i>Если физическое лицо нарушило право другого лица на жизнь,</i>
Санкция: <i>иначе оно должно быть привлечено к уголовной ответственности.</i>	Диспозиция: <i>то оно должно быть привлечено к уголовной ответственности.</i>

27]. При этом если под негативными понимают вполне понятные меры юридической ответственности, применяемые к деликтоспособному лицу, нарушившему правило поведения, то предлагаемые примеры позитивных санкций не выдерживают критики в случае системного анализа именно соотношения логической и реальной структуры нормы права.

Так, в качестве примера позитивных санкций приводится награждение медалью за спасение утопающих. Реальная норма формулируется просто: «Если физическое лицо спасло утопающего, то это физическое лицо представят к награде». Возникает вопрос: как в этом случае будет звучать трехчастная логическая структура соответствующей нормы? При попытках ее формулирования неизбежно происходит столкновение с отсутствием обязанности у всех физических лиц (если это не входит в их должностные обязанности) спасать утопающих (видимо, чтобы не увеличивалось количество утопающих?). Такие же проблемы – при попытке определить в качестве санкции льготу или пособие. Таким образом, при попытке соотносить положительную санкцию со структурой логической нормы возникает необходимость отказа от нее и перехода к реальной норме.

В то же время, формулирование гипотезы логической нормы (особенно в рамках публично-правового регулирования) нередко требует дополнительных мыслительных операций и приводят к абсолютным абстракциям. Так, многие гипотезы логической нормы естественным образом вытекают из ст. 4 Конституции РФ о распространении суверенитета РФ (а, следовательно, законодательства РФ) на территорию только Российской Федерации (что видно и из вышеприведенного банального примера с охраной права на жизнь: российской уголовное законодательство действует в пределах территории РФ, так же, как и иные правовые акты, за немногим исключением при наличии оговорок в международном праве). Включение же в гипотезу нормы, например, вопроса о дееспособности субъекта правоотношения не может представляться правильным, поскольку эти характеристики влияют на саму возможность субъекта быть участником правоотношения, которое урегулировано данной нормой. Так, при отсутствии деликтоспособности лица вопрос о действии диспозиции нормы вообще не будет иметь значения, поскольку правоотношение (в виде правонарушения) не состоится по причине юридического отсутствия субъекта.

Дискуссия о возможности существования положительных (позитивных, поощрительных) санкциях отнюдь не нова. Но в учебной литературе позиция защиты положительных санкций продолжает прочно занимать свое место. Невозможность же существования позитивной санкции естественным образом подводит к вопросу о сущности правоприменения как особой формы реализации права: если санкция из логической структуры нормы права, соответствующая диспозиции реальной нормы права при инверсии диспозиции логической, может быть только негативная, то обоснование принципиального отличия правоприменения от других форм реализации права требует особого внимания – с позиции осуществления правоприменительной деятельности лишь в случае совершения правонарушения, поскольку в иных случаях это будет исполнение уполномоченным субъектом своей обязанности (назначение льготы, пенсии и остальные примеры позитивного правоприменения), а не применение позитивной санкции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубева Л.А. Технические проблемы реализации конституционно-правовой ответственности Президента РФ: способ решения / Л.А. Голубева. – Текст: непосредственный // Журнал правовых и экономических исследований. – 2014. – № 1. – С. 42–44. – Библиогр.: с. 44 (6 назв).
2. Голубева Л.А. Формула права: постановка вопроса / Л.А. Голубева. – Текст: непосредственный // Журнал правовых и экономических исследований. – 2013. – № 4. – С. 104–106. – Библиогр.: с. 106 (8

назв).

3. *Моисеев А.В.* К вопросу о понятии санкции нормы юридической ответственности / А.В. Моисеев. – Текст: электронный // Право и практика. – 2019. – № 4. – С. 24–30. – Библиогр.: с. 30 (43 назв.). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-sanktsii-normy-yuridicheskoy-otvetstvennosti/viewer> (дата обращения: 01.02.2022).

4. *Поляков А.В.* Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода / А.В. Поляков. – 2-3 изд., исправл. и доп. – М.: Проспект, 2021. – 832 с. – Текст: непосредственный.

5. *Радько Т.Н.* Теория функций права: монография / Т.Н. Радько. – М.: Проспект, 2014. – 272 с. – Текст: непосредственный.

6. *Сорокин В.В.* Фундаментальная теория права: монография / В.В. Сорокин. – М.: Юрлтинформ, 2020. – 448 с. – Текст: непосредственный.

7. *Честнов И.Л.* Постклассическая теория права: монография / И.Л. Честнов. – СПб.: Алеф-Пресс, 2012. – 650 с. – Текст: непосредственный.

8. *Честнов И.Л.* Теория государства и права / И.Л. Честнов. – Ч. 2. Теория права. – Текст: электронный. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. – 116 с. – URL: https://www.procuror.spb.ru/izdanija/2017_03_01.pdf (дата обращения: 28.01.2022).